

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

II ¹⁾.

Прибытіе Мирославскаго.—Его дѣйствія.—Бѣгство.—Работы заграничныхъ партій.—Бѣгнія галиційскія партіи оглашаютъ диктаторомъ Лангевича.—Его дѣйствія.—Панна Пустовойтова.—Жюндъ получаетъ извѣстіе о диктатурѣ Лангевича.—Письмо къ нему Бобровскаго.—Движеніе противъ Лангевича ближайшихъ къ нему отрядовъ.—Хробежъ.—Гроховиски.—Бѣгство Лангевича за границу и арестованіе его австрійцами.

Между тѣмъ какъ все разсказанное происходило, Мирославскій, принявъ въ Парижѣ отъ послѣднихъ уполномоченныхъ центрального комитета ²⁾ диктатуру, собирался ѣхать въ Царство Польское. Но тяжесть лѣтъ, та старческая «osieźliwość», въ которой обвинялъ его Гуттри 20 лѣтъ тому назадъ ³⁾, сказывалась теперь еще болѣе. Къ ней присоединилась, кромѣ того, отвычка отъ революціонной дѣятельности, потеря той смѣлости, которая, по словицѣ, «города беретъ». Этотъ инструментъ требуетъ, какъ и всякій другой, чтобы на немъ играли, коли хотятъ хорошо играть. Мирославскому мерещились поминутно жандармы, шпіоны; его пугалъ зачастую самый обыкновенный стукъ въ двери, звонъ сабли, гром-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246. Настоящая глава въ общемъ трудѣ Н. В. Берга составляетъ гл. XI-ю. Ред.

²⁾ Даниловскій и Еска. Ихъ послали потому, что Яновскій, первый уполномоченный центрального комитета, отправленный раньше, переѣзжалъ границу, уничтожалъ со страху бывшія при немъ бумаги.

³⁾ Pan Ludwik Mierosławski, Drezno, 1870, стр. 170.

Н. В.

кіе голоса на улицѣ. Впрочемъ, и то сказать: Мирославскій былъ сильно-травленный волкъ, а Шекспиръ сказалъ:

He jests at scars, that never felt a wound ¹⁾.

Надо было однакоже какъ нибудь одолѣть всякіе страхи, помолодѣть на сколько возможно и тронуться въ путь.

Въ самыхъ первыхъ числахъ февраля, по н. ст., 1863 г., Мирославскій былъ перевезенъ своимъ секретаремъ Куржиной изъ Парижа въ Краковъ, обритый и причесанный на другой ладъ, чего было, въ сущности, не нужно: австрійская полиція очень хорошо знала о пребываніи Мирославскаго въ старомъ градѣ Кракуса, могла его арестовать десять разъ на день, но не дѣлала этого единственно вслѣдствіе особыхъ своихъ расчетовъ того времени ²⁾.

Перебраться, послѣ этого, черезъ русскую границу, открытую тогда во всё часы дня и ночи для всякаго повстанца, Мирославскому уже ничего не значило, но онъ медлилъ, и неизвѣстно, когда бы рѣшился переступить эту страшную для него черту, если бы и тутъ не помогла ему отвага и энергія его кипучаго и нетерпѣливаго секретаря, пока еще настроеннаго такъ, какъ былъ настроенъ Ромео, перелѣзавшій черезъ заборъ въ садъ Капулетти.

Этотъ «Ромео» списался съ жондомъ: рѣшено было, что Мирославскій перейдетъ границу въ Куявахъ, 13-го февраля н. ст. Жондъ обязывался выслать къ нему на встрѣчу съ рапортомъ Авейде, и плочкаго военнаго начальника, Падлевскаго, съ небольшимъ отрядомъ. Сверхъ того, предполагалось отправить предварительно особыхъ тѣлохранителей (straż chorągwiана или przycoszna) для облегченія перехода и заготовленія диктатору надежнаго укритія на первыхъ порахъ въ русской Польшѣ. Они же должны были проѣхать передъ тѣмъ въ Бромбергъ и принять тамъ пересланное Мирославскимъ изъ Ліежа оружіе и направить его въ Царство.

Эти люди ³⁾ не нашли въ Бромбергѣ никакого оружія: оно было захвачено пруссаками. Остались невзятыми только военныя

¹⁾ «Надъ ранами смѣется только тотъ, кто никогда не чувствовалъ ихъ боли».

²⁾ Краковскіе друзья автора рассказывали ему, что, когда Мирославскій ходилъ о ту пору по улицамъ Кракова и по «плантамъ» (т. е. бульварамъ вокругъ города), на него показывали пальцами.

³⁾ По словамъ Гиллера, ихъ было 60 человекъ, подъ начальствомъ Даниловскаго, которому жондъ вручилъ на формировку и содержаніе этого отряда 35,000 злотыхъ (5,250 рублей) и бланки для генерала. «Даниловскій,—говоритъ Гиллеръ,—велъ себя при этомъ въ высшей степени невольно и безтолково» (I, 223).

телѣги (wozy wojenne), изобрѣтенія Мирославскаго, которыя перетаскивать черезъ границу было неудобно и не зачѣмъ: онѣ давно уже выказали всю свою непрактичность. Когда, послѣ этого, тѣлохранители стали отыскивать для диктатора надежное укрытіе въ русской Польшѣ, на нихъ налетѣлъ какой-то отрядъ, подъ мѣстечкомъ Добрынею (Dobrzyń) ¹⁾, и развѣялъ ратниковъ.

Вслѣдствіе этого переѣздъ Мирославскаго черезъ русскую границу былъ отложенъ. Прибывшіе въ назначенный пунктъ Авейде и Падлевскій ²⁾, не найдя тамъ Мирославскаго, отправились назадъ, одинъ—въ Варшаву, другой—въ свою главную квартиру, въ плочкомъ воеводствѣ.

Мирославскій перебрался въ Царство 17-го февраля н. ст., гдѣ-то во Влоцлавскомъ уѣздѣ, и нашелъ на границѣ около ста варшавскихъ «академиковъ.»

Съ диктаторомъ были: секретарь его, Куржина, Саладинъ Рамоль, Гуменцкій, Бускій, Цѣлецкій, Радишевскій, Зейфридъ, Станиславъ Яновскій, Гарчинскій, Яцковскій, Гослиновскій и прусско-уланскій поручикъ Турно—всего 12 человекъ.

Чувствуя себя небезопаснымъ, Мирославскій отправилъ гонца въ ближайшій повстанскій отрядъ Меленцкаго (въ 500 человекъ), съ требованіемъ помощи; но Меленцкій, ничего не зная о диктатурѣ Мирославскаго и не считая себя отъ него зависящимъ, отказалъ ему. Такимъ образомъ, Мирославскій остался съ одними «академиками», банда которыхъ была черезъ два дни (19-го февраля н. ст.) атакована отрядомъ полковника Шильдеръ-Шульднера, въ 3½ роты и 60 казаковъ, съ нѣсколькими объѣздчиками, подъ м. Кршивосондзомъ, и разбита на-голову.

Нечего дѣлать, надо было смириться передъ несчастіемъ и самому искать соединенія съ партіей Меленцкаго. Мирославскій по-

¹⁾ На сѣверѣ Липновскаго уѣзда Плоцкой губерніи, у самой прусской границы.

²⁾ Падлевскій былъ съ отрядомъ богатаго помѣщика Липновскаго уѣзда, Артура Суминскаго. Авейде замѣчаетъ, что его очень трудно было уговорить выѣхать на встрѣчу диктатора. Гиллеръ говоритъ, будто-бы тогда выѣзжало въ Кутно четыре члена жонда: Иосифъ Яновскій, ксендзъ Микошевскій, Иванъ Майковскій и Оскаръ Авейде, которые, узнавъ о несчастіи, постигшемъ диктатора въ Царствѣ, перебрались въ Лодзь, откуда намѣрены были отправиться къ Лангевичу. Двое изъ нихъ, Яновскій и Микошевскій, попали къ нему—въ горахъ, у Св. Креста; а Майковскій и Авейде были арестованы отрядомъ Лакнискаго, и послѣ воротились прямо въ Варшаву (I, 37, примѣчаніе). То же самое видно изъ письма кого-то изъ членовъ жонда къ Падлевскому.

шелъ съ остатками «академикомъ» на Радзевъ, потомъ на Пловци, и здѣсь соединился съ Меленцкимъ, который прикинулся заблудившимся въ лѣсу ¹⁾.

Оба отряда условились идти въ направленіи къ м. Троячекъ. Мирославскій провелъ ночь въ Пловцахъ, у богатаго помѣщика Бесекирскаго, женатаго на его сестрѣ, которую онъ тутъ чуть-ли ни въ первый разъ видѣлъ. Потомъ, утромъ, никакъ не могъ отказать себѣ въ предложенномъ хозяевами, совсѣмъ не повстанскомъ *dejeuner-dinatoire*—и былъ столько легкомысленъ, что промѣнялъ на эту «чечевичную похлебку» свою военную честь: когда онъ закусывалъ, пришли сказать, что русскій отрядъ ударилъ на нихъ подлѣ озера Гопла ²⁾. Мирославскій отвѣчалъ самонадѣянно: «Ничего! Я сейчасъ буду и мы разобьемъ москалей на-голову!» Доглѣ свой завтракъ и поскакалъ къ Гонлу, но было уже поздно: повстанцы бѣжали къ парому, бросая оружіе. Мирославскій опередилъ пѣхоту, сталъ на паромъ съ нѣсколькими близкими къ нему лицами и съ досады, или со страху, обрубилъ саблей канатъ.... потомъ бѣжалъ за границу ³⁾.

Жондъ народовой, узнавъ объ этомъ, написалъ диктатору, что «считаетъ его службу отечеству внѣ предѣловъ Царства Польскаго ничѣмъ и проситъ его возвратиться или дать знать о себѣ до 8-го марта н. ст. Въ противномъ же случаѣ разрываетъ съ нимъ всякія сношенія» ⁴⁾.

Мирославскій не обратилъ на это письмо никакого вниманія, зная очень хорошо, что дѣйствительнымъ диктаторомъ будетъ тотъ, кто захватитъ какимъ нибудь образомъ высшую власть въ арміи. Къ тому-же надобно замѣтить, что жондъ не имѣлъ въ то время большаго значенія за границей. Краковскій бѣлый комитетъ, съ Хрша-

¹⁾ Составлено по разнымъ источникамъ. Гиллеръ рассказываетъ встрѣчу Мирославскаго съ Меленцкимъ и бой подлѣ Кршивосондзомъ нѣсколько иначе (I, 223).

²⁾ На границѣ Влоцлавскаго и Конянскаго уѣздовъ Варшавской губерніи. Часть озера Гопла входитъ въ Пруссію.

³⁾ Есть свѣдѣніе, будто Мирославскій, прежде чѣмъ броситься къ парому, просилъ у Меленцкаго 60 кавалеристовъ, чтобы перебраться съ ними внутрь края, но Меленцкій не далъ. (Авейде, Янчевскій, Давидовскій и разные печатные источники).

⁴⁾ Письмо Бобровскаго къ Падлевскому, приложение къ III главѣ. Также Гиллеръ, I, 224. По словамъ Авейде, Мирославскій долженъ былъ дать знать о себѣ жонду въ теченіе восьми дней (IV, 12). Тамъ же говорится, что главными противниками Мирославскаго въ жондѣ были: Бобровскій, Гиллеръ и Качковскій.

новскимъ во главѣ, шелъ въ свою сторону, не думая ни о Мирославскомъ, ни о жондѣ, а работая въ пользу Лангевича—съ какими именно дѣлами, въ точности неизвѣстно.... можетъ статься, это была отрасль партіи «тарговичанъ».

Львовскій комитетъ, со своимъ могущественнымъ протекторомъ, княземъ Адамомъ Сапѣгой, тоже не думалъ о жондѣ, стараясь образовать высшую власть у себя, въ Галиціи, какъ въ пунктѣ болѣе безопасномъ, гдѣ руки главнаго правителя, президента, диктатора (которымъ могъ быть, пожалуй, Сапѣга) значительно развязаны; откуда удобнѣе сноситься съ арміей, чѣмъ изъ Варшавы, а потому сказанный комитетъ сильно интриговалъ противъ жонды, всячески стараясь парализовать всѣ важнѣйшія его распоряженія.

Когда стало извѣстно, что жондъ, изъ всѣхъ лицъ, служившихъ возстанію, намѣтилъ Мирославскаго, какъ будущаго руководителя всѣми движеніями въ краѣ, львовскій комитетъ, или, точнѣе сказать, Сапѣга, бросился помогать «генералу» Езеранскому и этотъ послѣдній быстро выдвинулся и образовалъ большую банду¹⁾.

Бѣлая и красная партіи Познани, съ графомъ Дзялынскимъ во главѣ, представляли собою революціонный кружокъ, державшійся пока нейтрально и выжидавшій лучшаго выясненія ситуации возстанія, чтобы туда или сюда прикинуть со своими силами. Для этого кружка Езеранскій, Лангевичъ—были одно и то же, лишь бы только, опять-таки, не Мирославскій. И здѣсь жондъ не пользовался симпатіями, потому что стоялъ за Мирославскаго.

Послѣ паденія неоглашенной, но почти вездѣ, въ высшихъ революціонныхъ сферахъ трехъ захватовъ, извѣстной диктатуры, когда жондъ послалъ Мирославскому родъ отставки (что также было извѣстно, ибо Мирославскій самъ трубилъ объ этомъ)—отношенія упомянутыхъ бѣлыхъ заграничныхъ партій къ жонду немного измѣнились. Не то, чтобы онѣ стали смотрѣть на него, какъ на дѣйствительно-высшую власть края; не то, чтобы готовились изъяснить ему

¹⁾ Вотъ какъ обрисовываетъ Сапѣгу Гиллеръ: «всемогущій въ восточной Галиціи, князь Адамъ Сапѣга... главная опора ея въ интригахъ противъ жонды.. человекъ ловкій, сметливый, прозорливый, быстро рѣшавшій всякія задачи, твердый характеромъ, неутомимый и вмѣстѣ неразборчивый на средства... онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ галиційской шляхты, которая смотрѣла на него, какъ на своего оракула.... безъ его вѣдома немного можно было сдѣлать въ восточной Галиціи.... онъ могъ не пропустить ни одного транспорта съ оружіемъ въ люблинское воеводство или на Русь; онъ могъ, когда хотѣлъ, помѣщать формированію любого отряда во всѣхъ пунктахъ восточной Галиціи» (I, 303, II, 4—5).

покорность—нисколько! Но имъ было, просто-за-просто, пріятно услышать, что и жондъ пошелъ противъ Мирославскаго, противъ этой язвы и заразы, способной все разрушить и увлечь поляковъ въ пропасть.

Такъ смотрѣли на положеніе повстанскихъ дѣлъ бѣлые. Однако, явныхъ, выражаемыхъ вслухъ сопротивленій жонду въ этихъ партияхъ не было.

Красныя же партіи обѣихъ Галицій, какъ были до этой минуты, такъ и остались непримиримыми врагами жонда, признавая его черезчуръ бѣлымъ и недостаточно бдительнымъ. Особенно враждебно относилась къ нему красная партія западной Галиціи, иначе сказать—*Naczelna Rada Galicyjska*, считавшая своимъ главою Альфреда Щепанскаго. Она чувствовала приближающееся *coup d'état* того или другаго свойства и старалась всемірно посадить какъ можно скорѣе диктаторомъ Мирославскаго, вовсе не потому, чтобы находила его отвѣчающимъ этому званію, а потому, что видѣла въ этомъ единственное спасеніе всего краснаго, всего революціоннаго, иначе сказать: всего возстанія—что видѣли въ этой комбинаціи красные и русской Польши.

Другаго диктатора у красныхъ въ виду не имѣлось. Искать было некогда и негдѣ. Время было очень дорогое. Нужно было считать каждую минуту, ибо выигрышь той или другой партіи—реакціи или возстанія, бѣлыхъ или красныхъ—зависѣлъ единственно отъ того, кто первый взорветъ въ сторону врага камуфлетъ ¹⁾.

Поэтому красные галиціане, почувявъ грозу, бросились въ лагерь Лангевича и заложили тамъ свою мину до такой степени ловко и быстро, что если бы Мирославскій прибылъ къ нимъ тогда-же,—его дѣло, дѣло красныхъ революціонеровъ, было бы неизбѣжно выиграно и Лангевичу нечего было бы потомъ и мечтать о диктатурѣ. Но та бѣда, что Мирославскій не могъ сейчасъ пріѣхать въ лагерь: онъ былъ болѣнъ, нравственно и физически; опустился, упалъ духомъ, а тутъ опять и старческая *osieźałość*.

Сторонники Лангевича, бѣлые галиціане, тоже не дремали.

Между ними случился на ту пору очень бойкій малый, можно сказать—отважный и безцеремонный нахаль, графъ Адамъ Грабовскій, камергеръ прусскаго двора, женатый на княгинѣ Любомірской, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ кое-какія связи и знакомства въ высшемъ кругу всѣхъ захватовъ. Это обстоятельство давало ему

¹⁾ Камуфлетомъ называется взрывъ въ сторону непріятеля, когда двѣ мины встрѣчаются другъ съ другомъ. Н. В.

нѣкоторый вѣсь въ обществѣ повстанскихъ пролетаріевъ, гдѣ было у cadaго довольно плебейской гордости и заносчивости, но слово: графъ, князь, шамбелянъ—производило всетаки свое дѣйствіе. Что дѣлать: такъ устроенъ свѣтъ; не одни сапожники любятъ присягать передъ графами Воловскими! ¹⁾).

Незадолго передъ тѣмъ временемъ, которое мы описываемъ, Грабовскій искалъ себѣ дѣятельности въ русской Польшѣ, куда, если вѣрить Гиллеру, бѣжалъ изъ Познанскаго княжества отъ долговъ ²⁾. Онъ старался сблизиться въ Варшавѣ съ равными партіями, но не успѣлъ въ этомъ; ни бѣлыне, ни красные варшавяне не открыли ему достаточно-широко своихъ объятій. Онъ сошелся только, черезъ аристократическую партію, съ Леономъ Круликовскимъ (который завѣдывалъ тогда пароходствомъ Замойскаго и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ Бобровскаго по управленію городомъ), потомъ—съ его родственникомъ, Здзиславомъ Янчевскимъ ³⁾, и еще кое съ кѣмъ изъ имѣвшихъ косвенныя сношенія съ жондомъ. Этимъ все и кончилось.

Скучая бездѣйствіемъ и не находя себѣ виднаго мѣста въ революціонной организаціи Царства Польскаго, Грабовскій объявилъ знакомымъ ему варшавянамъ, что «ѣдетъ биться съ москалями въ отрядъ Лангевича, либо Высоцкаго,—кого именно, рѣшить въ Краковѣ». Было ли это такъ на самомъ дѣлѣ, Богъ вѣдаетъ. Можетъ статься, Грабовскаго послали своимъ агентомъ въ Галицію «тарговичане»: посмотрѣть на ходъ тамошнихъ дѣлъ и дѣйствовать какъ признаетъ за лучшее.

Круликовскій, имѣя надобность послать тогда Высоцкому 1,000 рублей, выхлопоталъ у жонда для отъѣзжающаго Грабовскаго родъ паспорта (*karteczkę legitymacyjną*), съ тѣмъ, чтобы онъ могъ легче найти въ Краковѣ сказанное лицо.

Грабовскій прибылъ въ Краковъ именно въ то время, когда извѣстная часть красныхъ галиціанъ перебралась въ лагерь Лангевича и готовилась задать бѣлымъ камуфлетъ. Грабовскій ту же минуту сталъ въ ряды послѣднихъ, и началъ работать съ такою энергіей, что въ немъ можно было подозрѣвать чьего либо эмиссара. Для большей вѣрности дѣйствій, онъ, со свойственнымъ ему нахальствомъ, назвался уполномоченнымъ комиссаромъ народнаго правительства и

¹⁾ Глава VIII, «Русскій Архивъ» изд. 1873, стр. 127.

²⁾ I, 280.

³⁾ Онъ далъ Янчевскому денегъ на типографію, чтобы сблизиться съ красными, но ничего изъ этого не вышло.

увѣрялъ всѣхъ и каждого, что ему извѣстны всѣ тайны, желанія и помысленія послѣдняго. Никто изъ бывшихъ галиціанъ, среди которыхъ онъ вращался въ Краковѣ, какъ бы ихъ соратникъ, не вѣрилъ въ его уполномочіе, но такъ какъ во время жаркихъ политическихъ битвъ и распрей не принято допытываться во всѣхъ подробностяхъ, кто ты именно, какой въ сущности масти, лишь бы ты стоялъ за насъ и былъ ретивъ,—то не потребовали никакихъ точныхъ доказательствъ на сказанное званіе и у Грабовскаго. Галиційскіе пріятели его, смѣло и спокойно протягивавшіе ему руку, какъ новому товарищу, чувствовали инстинктивно, что онъ—во всякомъ случаѣ не Мирославчикъ, идти съ ними по одной дорогѣ и годится для боя. Къ тому же, въ Грабовскомъ было что-то притягивающее, что-то *improvisant*. Физиономія его была рѣшительно въ его пользу: онъ былъ прямо хорошъ собой, эффектенъ, имѣлъ эlegantныя манеры высшаго круга. Случилось очень скоро, что бывшія галиційскія группы собрались около него, какъ бы около своего начальника, и ждали, что онъ скажетъ. Какъ представитель жонда, Грабовскій выписалъ изъ Познани на «генеральный совѣтъ» въ Краковѣ главу особаго бѣлаго кружка, стоявшаго въ сторонѣ отъ Дзялинскаго ¹⁾, а изъ Львова — князя Адама Сапѣгу, и когда они прибыли, собрали краковскій комитетъ въ полномъ его составѣ, и объявили собравшимся, что «волею народнаго правительства есть, чтобы военный начальникъ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, генералъ Маріанъ Лангевичъ, огласилъ себя диктаторомъ, въ предупрежденіе всякихъ интригъ со стороны Мирославскаго, съ которымъ народное правительство, вслѣдствіе его неумѣнья вести себя надлежащимъ образомъ въ конгрессувкѣ и позорнаго бѣгства съ поля битвы за границу,—не хочетъ имѣть никакихъ сношеній». Въ заключеніе своей рѣчи, Грабовскій просилъ каждого изъ присутствующихъ высказать откровенно свое, по этому поводу, мнѣніе.

Можно было предвидѣть отвѣтъ на этотъ вопросъ заранее: раздраженіе противъ Мирославскаго въ бѣломъ лагерѣ всѣхъ захватовъ было такъ велико, что никто не могъ безъ ужаса вообразить себѣ появленія его, съ разными Куржинами, во главѣ возстанія; между тѣмъ, это могло случиться всякую минуту. Объ усиленныхъ работахъ красной галиційской партіи въ его пользу всѣ знали; а потому, терять время на излишнія пренія объ этомъ предметѣ было странно.

¹⁾ Кажется, Лончинскаго. Гиллеръ, рассказывая объ этомъ, ставитъ букву L. Уполномоченный въ прусскомъ захватѣ отъ жонда былъ D-гъ Ксаверій-Юліанъ Лукашевскій.
Н. В.

Слѣдовало поскорѣе на чемъ нибудь остановиться, лишь бы не допустить Мирославскаго до диктатуры. Диктаторъ Лангевичъ, конечно, не представлялъ надежныхъ данныхъ, но онъ представлялъ возможность комбинаціи, при которой Мирославскій устранялся отъ дѣлъ возстанія навсегда. Это поняли мгновенно всѣ присутствующіе на краковскомъ «генеральномъ совѣтѣ» — и представитель познанскаго комитета первый подалъ голосъ, что «онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ оглашенія Лангевича диктаторомъ». Князь Сапѣга проговорилъ то же самое. Представители «краковскаго комитета» изъявили единогласно свое согласіе и одобреніе.

Тогда Грабовскій, съ Владиславомъ Семинскимъ и Іосифомъ Колачковскимъ, отправились въ лагерь Лангевича подѣ Гощей и тамъ собрали новый совѣтъ, изъ генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго ¹⁾, комиссара краковскаго воеводства Войтъха Бѣхонскаго, бывшаго члена центрального комитета, а теперь начальника штаба Лангевича, Оммы Винницкаго, члена краковскаго комитета Леона Хршановскаго, помѣщика Владислава Бентковскаго и самого Лангевича.

Послѣ краткой рѣчи, построенной болѣе или менѣе на тѣхъ же мотивахъ, какъ и рѣчь, произнесенная въ Краковѣ, Грабовскій, продолжая играть роль уполномоченнаго комиссара жонда, предложилъ отъ его имени Лангевичу диктатуру и спросилъ присутствующихъ «что они объ этомъ думаютъ?»

Бомба упала съ неба вдругъ. Никто изъ «лагерныхъ» не слышалъ даже ея предварительнаго свиста. Что до «нелагерныхъ», прибывшихъ изъ Кракова, — они представляли уже подтасованную колоду. Долго думать, соображать разныя подробности, совѣщаться — было неудобно, некогда, а потому совѣтъ оказался, очень просто, на сторонѣ избираемаго, который къ тому же былъ на-лицо, тутъ же. Подать другое мнѣніе, противъ Лангевича — при самомъ Лангевичѣ, было неловко. Бѣхонскій и Винницкій (наиболѣе имѣвшіе возможность знать о правахъ Грабовскаго на званіе уполномоченнаго комиссара жонда) промолчали — и сочтены также согласившимися ²⁾. Припомнимъ, что послѣдній, Винницкій, былъ начальникомъ штаба у Лангевича, такъ сказать, его подчиненный.

Что касается самого Лангевича — предложеніе диктатуры не за-

¹⁾ Неизвѣстно, когда и кѣмъ произведены въ генералы, но такъ ихъ всѣ звали. — Валигурскій былъ полковникъ шведской арміи и съ этимъ чиномъ прибылъ въ 1861 году въ Генуэзскую школу.

²⁾ Гиллеръ, I, 107, 108, 279—281.

стало его врасплохъ: Яго-Езеранскій довольно давно проговаривался, что «положеніе дѣлъ возстанія требуетъ неизбѣжно, чтобы во главѣ всего сталъ какой нибудь военный вождь; что зависимость повстанскихъ отрядовъ отъ какихъ-то варшавскихъ щелкоперовъ (guziropiórków), величающихъ себя народнымъ правительствомъ, теперь неумѣстна: мало-ли что они пишутъ, эти гимназисты, ничего не смыслящіе въ военномъ дѣлѣ—и всего этого слушать!... Кто бы ни очутился во главѣ всего: Лангевичъ, даже хоть бы Мирославскій, вообще кто нибудь изъ военныхъ—онъ менѣе испортитъ дѣло, нежели статскій жондъ изъ мальчиговъ, неизвѣстно кѣмъ выбранный, не имѣющій правильныхъ сообщеній съ самымъ жизненнымъ, существеннымъ центромъ возстанія—съ арміей, жондъ, покрытый тайной, существующій и какъ бы несуществующій!»

Такія рѣчи говорились въ лагерѣ Лангевича на разные тоны нерѣдко. Ядовитыя слова: «хоть-бы Мирославскій!» бросали краковскаго и сандомирскаго воеводу въ жаръ и въ холодъ.... Когда послѣдовало предложеніе диктатуры, Лангевичъ невольно подумалъ: «Не я—такъ онъ! Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!» (Мирославскаго ждали тогда въ лагерѣ съ минуты на минуту). Въ то же самое время внутреннее убѣжденіе говорило Лангевичу, человѣку вообще простому и честному, что онъ дѣйствительно нѣчто сдѣлалъ для возстанія: его имя звучитъ какъ-то громче другихъ въ арміи и въ Варшавѣ. Онъ, положительно, популярнѣе и.... кажется, любимѣе всѣхъ вождей возстанія... Случилось, какъ нарочно, что за день—за два до описываемаго событія, пришло изъ Варшавы къ Лангевичу «благодарственное письмо отъ полекъ» (Słowo dziękczynne Polek do generała Langiewicza), гдѣ онѣ обращаются къ нему какъ къ главному вождю польскихъ дружинъ и возлагаютъ на него всѣ свои надежды.

[Переводъ съ польскаго]: «Да будетъ Господь Богъ съ тобою, генераль! Всѣ польскія женщины и маленькія дѣти невинными устами молятъ Господа силъ, въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, чтобы Онъ хранилъ тебя на полѣ брани, чтобы ниспосылалъ тебѣ мудрыя и благія мысли и чтобы мы тебя увидѣли въ скоромъ времени побѣдителемъ въ стѣнахъ Варшавы.

«Да будетъ Господь Богъ съ тобою, генераль! Благословеніе матерей и дѣтей польскихъ съ тобою!

«Въ день св. Казимира ¹⁾, патрона Польши, въ Варшавѣ, 1863 года».

Въ концѣ концовъ, можно замѣтить, что есть званія, отъ которыхъ отказываться очень трудно. Къ такимъ званіямъ принадлежитъ

¹⁾ 4-го марта н. ст.

и диктаторское: оно рисуется въ воображеніи всякаго повстанца, особенно поляка, съ самой первой минуты вступленія его на революціонный путь; каждому хочется поносить его хотя нѣсколько мгновеній, записать это въ книгу своей жизни—и вѣчно отдѣляться потомъ, въ кружкахъ оставшихъ революціонеровъ, отъ прочихъ «генераловъ».... Диктаторъ въ отставкѣ—вѣдь это почти то же, что отставной король! Диктаторы, съ достоинствомъ и характеромъ, никому не дѣлаютъ визитовъ.... Весьма немного побесѣдовавъ съ своею совѣстью, Лангевичъ сказалъ, что «онъ считаетъ за особенную честь предложеніе жонда и соглашается на принятіе диктатуры».

Говорили послѣ, будто бы Лангевичъ, прежде чѣмъ произнести послѣднее слово, наивно спросилъ у Грабовскаго: «какое онъ имѣетъ доказательство тому, что онъ—уполномоченный жонда?»

Грабовскій показалъ свой паспортъ—Лангевичъ удовлетворился.

Это было 9-го марта н. ст. 1863 года.

Штабъ воеводы сдѣлалъ необходимыя приготовленія къ оглашенію диктатуры на другой же день, 10-го марта н. ст.

Съ ранняго утра, на одной равнинѣ подъ Гошей, были выстроены всѣ войска Лангевича ¹⁾. Воевода объѣхалъ ихъ, вмѣстѣ со свитой, въ одиннадцатомъ часу дня, и затѣмъ генераль Езеранскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, объявилъ имъ, что «военный начальникъ краковскаго и сандомірскаго воеводства, генераль Маріанъ Лангевичъ, по соглашенію съ жондомъ народовымъ, возводится въ диктаторское достоинство».

¹⁾ Очевидецъ описываетъ составъ этого войска такъ: «Объ организаціи всего нашего корпуса подъ Гошей не имѣю никакой охоты рассказывать подробно, ибо пришлось бы толковать о каждомъ родѣ оружія, о каждомъ полку и баталіонѣ, такъ какъ каждая часть устранилась по-своему, по-своему велась въ каждой части команда и вся администрація....

«Корпусъ состоялъ изъ двухъ полковъ пѣхоты; каждый полкъ изъ трехъ баталіоновъ, а баталіонъ—изъ 100—120 стрѣлковъ и 130—140 косинеровъ. Такимъ образомъ, всей линейной пѣхоты, съ офицерами, было, максимум, 1,600 челов.

Полкъ зуавовъ имѣлъ	300—350	»
Два полка кавалеріи (рописанія чиновъ которой никто хорошо не зналъ) имѣли	400	коней
Саперовъ было до	100	челов.
На 92-хъ телѣгахъ помѣщалось всякаго невооруженнаго народу, магазинеровъ, кузнецовъ и т. п., считая по 5-ти		
человѣкъ на телѣгу	460	челов.
Штабъ съ гевальтигерами и адъютантами	150	»
Итого	3,060	челов.

(№ 107 Dzien. Powszechny 1865, стр. 1056. Тамъ же подробности о жизни Лангевича подъ Гошей). Н. В.

Послѣ этого былъ прочтенъ войскамъ «манифестъ диктатора къ народу», отпечатанный весьма изящно на бѣломъ веленовомъ листѣ ¹⁾.

Вотъ этотъ манифестъ, въ переводѣ съ польскаго:

«Соотчачя! Подъ напоромъ насилия и угнетеній московскаго правительства, пламенные сыны Польши начали, во имя Божіе, борьбу съ псконнымъ врагомъ свободы и просвѣщенія, съ наѣздомъ московскимъ, попирающимъ нашъ народъ,—начали для того, чтобы завоевать краю свободу и независимость.

«Не смотря на самыя неблагоприятныя обстоятельства, среди которыхъ врагъ нашъ черезчуръ крутыми мѣрами вызвалъ вооруженное возстаніе, борьба, начатая съ голыми руками противъ огромной московской арміи, не только тянется около двухъ мѣсяцевъ сряду, на значительномъ пространствѣ нашего края, но и возрастаетъ и развивается больше и больше, благодаря энергій и самоотверженію, какими проникнуть весь народъ, рѣшившіяся освободиться или погибнуть. Польская кровь льется потоками на поляхъ многочисленныхъ битвъ, льется по улицамъ городовъ и селъ нашихъ, которые азіатскій наѣздникъ обращаетъ въ прахъ, избивая безоружныхъ жителей и отдавая остатки ихъ имуществу разъяренному солдатуству.

«Передъ лицомъ этой отчаянной борьбы, этой рѣзни, пожаровъ и хищничества, которыми врагъ нашъ знаменуетъ свои походы, съ болью въ сердцѣ видить Польша, рядомъ съ величайшимъ самоотверженіемъ и увлеченіемъ многихъ тысячъ сыновъ своихъ, недостатокъ явнаго, децентрализованнаго управленія, которое не дозволяло бы гибнуть повнапрасну проившимся уже силамъ, а дремлющія могло разбудить. Положеніе вещей и самый способъ войны привели къ тому, что, кромѣ повстанскаго лагеря, нѣтъ мѣста на всей землѣ нашей, гдѣ бы такое явное, децентрализованное управленіе могло установиться. Вотъ почему тайное временное правительство, образовавшееся изъ бывшаго центрального комитета, не стало явнымъ передъ народомъ и свѣтомъ.

«Хотя, безъ сомнѣнія, скрываются въ народѣ мужи, несравненно выше меня способностями и заслугами, хотя я вполне чувствую великость долга и ответственности, соединенныхъ съ высшею народною властью, посреднъ столь труднаго положенія дѣлъ, тѣмъ не менѣе, подъ напоромъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя вопіютъ громкимъ голосомъ, требуя, чтобы въ минуты смертной борьбы съ многочисленными войсками наѣздника, управляемыми волею одного человѣка, окрѣпли и умножились силы и доблесть народа посредствомъ соединенія въ одной рукѣ власти военной и гражданской,—я, по соглашенію съ временнымъ тайнымъ народнымъ правительствомъ, принимаю нынѣ высшую диктаторскую власть, которую обязуюсь, по сверженіи московскаго ига, сложить въ руки народа, въ лицѣ его представителей.

«Оставляя себѣ непосредственное управленіе военными дѣйствіями, равно и право назначать высшихъ военныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, считаю нужнымъ ввѣрить гражданскія дѣла возстанія, а также устройство освобожденной части края, особому гражданскому правительству, дѣйствующему по моему утвержденію и подъ моимъ верховнымъ контролемъ. Атрибуты и организація таковаго правительства будутъ опредѣлены и урегулированы отдѣльнымъ постановленіемъ.

¹⁾ Авторами этого «манифеста» считаютъ графа Адама Грабовскаго и Леона Хршановскаго. Н. В.

«Не предпринимая въ началѣ моего диктаторскаго управленія ничего новаго, но только продолжая дѣло временнаго народнаго правительства, подтверждаю во всей силѣ и вновь оглашаю основанія онаго, въ отзывѣ отъ 22-го января сего года опубликованнаго, во имя которыхъ воздвигнута хоругвь борьбы народной за свободу и независимость нашей отчизны, а именно: за гражданскую свободу и равенство всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія вѣроисповѣданія, сословій и происхожденія, равно за безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, которою они владѣютъ на правахъ чинша или барщины, съ вознагражденіемъ при этомъ помѣщиковъ, долженствующихъ понести убытки, изъ общихъ доходовъ государства.

«А теперь, народы (ludy) Короны, Литвы и Руси, въ одинъ польскій народъ соединенные, взываю къ вамъ разъ еще во имя Божіе: встаньте немедленно всѣ какъ есть противъ наѣзда и варварства Москвитъ! Слитіе во едино всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія сословій и исповѣданія, искренняя связь всѣхъ усилій и самоотверженіе и единство стремленій, одушевить и увеличить въ страшныхъ для врага размѣрахъ разрозненныя силы наши, и завоюетъ независимость отчизны, свободу и счастье будущихъ поколѣній, а также и высокую, бессмертную память тѣхъ, кто ляжетъ костями въ этомъ священномъ побойщѣ.

«Къ оружію, братья, къ оружію! за свободу и независимость отчизны! Генералъ Маріанъ Лангевичъ, диктаторъ.

«Главная квартира. Гоща, 10-го марта 1863 года.»

По прочтеніи манифеста, войска прокричали: «да здравствуетъ диктаторъ!» Лангевичъ отвѣчалъ: «да здравствуетъ Польша!»

Такъ какъ заведено съ давнихъ поръ, что получающіе высокую власть «качать и миловать»,—монархи, диктаторы, президенты республикъ,—всегда, въ первыя минуты своего царствованія, осыпаютъ край и отдѣльныя личности разными милостями, такъ и тутъ, въ небольшой монархіи диктатора подъ Гощей, придуманъ былъ тоже подобный эффектъ: диктаторъ, якобы по предстательству генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго, помиловалъ восемь «политическихкихъ преступниковъ», осужденныхъ на смерть. Помилованные присягнули въ вѣрности народнымъ властямъ, а ксендзь Павелъ Каминскій ¹⁾ сказалъ имъ поучительное слово.

Больше ничего подъ Гощей не было. Религіозный обрядъ по случаю возведенія Лангевича въ диктаторы совершился двумя днями позже, 12-го марта н. ст., въ деревнѣ Сосновкѣ (³/₄ мили отъ Мѣхова).

¹⁾ Варшавскій ксендзь-миссіонеръ Св. Креста, арестованный при намѣстникѣ Сухозанетѣ, въ 1861 г., за проповѣдь, сказанную имъ въ день «Сошествія Св. Духа», и отправленный въ Новогеоргиевскую крѣпость; но онъ бѣжалъ съ дороги и очутился вскорѣ въ Парижѣ. Въ 1866 году онъ издалъ въ Парижѣ брошюру: *Głos wyuzszony na księdzu Pawle Kamińskim. Paruż, drugagnia pp. Renou i Moulde, 1866 г.*

Въ третьемъ часу по полудни, всѣ силы диктатора стали большимъ четырехугольникомъ вокругъ незначительной насыпи, на которой былъ воздвигнутъ походный алтарь, съ образомъ Божіей Матери и двумя горящими свѣчами. Лангевичъ взошелъ къ алтарю на холмъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго капелланомъ Каминскимъ, и краткой рѣчи, сказанной имъ же, поднялъ руку вверхъ и провознесъ присягу въ вѣрности народу, а войска и офицеры присягнули диктатору ¹⁾. Это были, такъ-ли, не такъ-ли—лучшія минуты изъ жизни Лангевича, это было самое яркое, самое веселое, можно сказать—самое поэтическое время возстанія. На голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, окружавшихъ лагерь диктатора подъ Сосновкой, сидѣли соловьи и пѣли: *Boże coś Polskę*. Звонкій голосъ панни Пустовойтовой, пуще всѣхъ соловьевъ, восторженно и громко разливался въ непріютной, занесенной снѣгами пущѣ.

Надо-жъ когда нибудь узнать читателямъ, что это за панна Пустовойтова, откуда она взялась и какъ попала изъ русскихъ генеральскихъ салоновъ въ польскій повстанскій лагерь. Расскажемъ это теперь, въ минуты затишья, какимъ пользовались войска диктатора, оставляемые въ покоѣ нѣсколько дней сряду, пока Лангевичъ и его штабъ кутать и веселятся, предаваясь всякимъ радужнымъ надеждамъ и мечтаніямъ.

Вскорѣ послѣ революціи 1831 года, маіоръ Копорскаго (по инымъ, Иркутскаго) пѣхотнаго полка, стоявшаго на Волни, около Житомира, Теофиль Пустовойтовъ влюбился въ одну бойкую и красивую польку, изъ фамиліи Коссаковскихъ, женился на ней и купилъ на ея имя хорошее имѣніе подъ самымъ Житомиромъ, Вершковицки. Здѣсь, въ 1838 году 14-го (26-го) іюля, родилась у Пустовойтовыхъ дочь Анна и окрещена въ православную вѣру ²⁾. Послѣ домашняго, довольно солиднаго воспитанія, дѣвочку отдали въ Александрійскій Пулавскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ на 300 полекъ приходилось едва-ли полсотни русскихъ, притомъ болѣею частію такихъ, какъ Пустовойтова, т. е. говорившихъ по поль-

¹⁾ Взято изъ корреспонденціи, писанныхъ въ краковскую газету «Часть» (Czas) изъ-подъ Гоши и Сосновки. Въ иллюстраціи *Postęp* 1863 г., стр. 79, есть изображеніе «присяги Лангевича», какъ диктатора, со шкипа Гадомскаго. Тамъ, зади алтара, сдѣлана занавѣсь, утвержденная на двухъ деревьяхъ.

²⁾ Это было необходимо послѣ закона 1836 года, коимъ повелѣвалось всѣхъ дѣтей смѣшанныхъ супружествъ (поляковъ и русскаыхъ, а также и другихъ націй въ соединеніи съ русскою) крестить въ православную вѣру. Кромѣ того, у Пустовойтовыхъ были еще сынъ и дочь.

ски лучше, нежели по русски, и опредѣленно не знавшихъ, какой онѣ вѣры. Всѣ предметы въ институтѣ преподавались тогда по польски. Былъ преподаватель и для русскаго языка, читавшій свои лекціи только разъ въ недѣлю и притомъ кое-какъ, потому что его совсѣмъ не слушали. Равно, въ числѣ 12-ти классныхъ дамъ для разговора на разныхъ языкахъ, была одна русская, которой приходилось дежурить три раза въ недѣлю. Два дни изъ этихъ трехъ она говорила съ дѣвцами по французски, а третій по русски. Стало быть, практики въ русскомъ языкѣ воспитанницы имѣли всего-навсего одинъ день въ недѣлю. Кромѣ того, надо замѣтить, что классныя дамы размѣщались «по двѣ на классъ», которыхъ было шесть. Русская классная дама была только въ трехъ первыхъ. Старшіе три класса ея уже не имѣли. Изъ всего этого можно легко сообразить, какъ много практиковались пулавскія институтки въ русскомъ языкѣ, къ тому же не особенно любимомъ, даже просто ненавистномъ для массы. Отличаться въ этомъ языкѣ значило заслужить всеобщее нерасположеніе. Такихъ прозывали обыкновенно: «русскій духъ». Что касается религіи и ея обрядовъ—это было у большинства русскихъ воспитанницъ института въ полнѣйшемъ пренебреженіи, представлялось чѣмъ-то неяснымъ, ненужнымъ. Дѣвочка Пустовойтова ходила иногда, по приказанію отца, съ какою-то русскою дамою въ церковь, но молилась тамъ кое-какъ, скучала и говорила, что «не понимаетъ, за что ее мучаютъ»¹⁾.

По окончаніи курса наукъ въ Пулавскомъ институтѣ, во второй половинѣ 50-хъ годовъ, Анна Теофиловна предалась удовольствіямъ свѣтской жизни. Житомирскій ихъ домъ былъ мѣстомъ сборища всякой молодежи, русской и польской. Анна Теофиловна, сверхъ пріятнаго, выразительнаго лица, огненныхъ карихъ глазъ, чудесныхъ каштановыхъ волосъ, обладала прекраснымъ голосомъ, хорошо пѣла и играла на фортепьянахъ. Множество юношей было отъ нея безъ ума. Одинъ русскій офицеръ (занимающій теперь довольно видное мѣсто въ нашей арміи) искалъ ея руки и дѣло, можетъ быть, кончилось бы совершенно благополучно, еслибъ только бурные, манифестаціонные годы, 1860 и 1861, не унесли пылкую авантюристку въ Люблинъ, въ домъ ея бабушки, отчаянной польской патриотки, извѣстной между прочимъ кое-какими скандалами, доходившими одно время до того, что порядочные люди перестали къ ней ѣздить. Въ Люблинѣ жила тогда очень умная и разбитная полька, Плющинская,

¹⁾ Изъ рассказовъ разныхъ жителей Люблина, въ томъ числѣ отъ воспитанницъ Пулавскаго института, подругъ Пустовойтовой.

жена чиновника губернскаго правленія, которая играла политическую роль: приобрѣтала готовившемуся возстанію дѣятелей обоого пола. Пустовойтова скоро попала въ ея кружокъ. Ее стали видать въ польскихъ костелахъ распѣвающей запрещенныя гимны, и въ разныхъ религиозныхъ процессіяхъ, гдѣ она одѣвалась сельскою дѣвицей, съ лежащими на спинѣ косами, въ которыя были вплетены трехцвѣтныя ленты.

Начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла, генералъ Хрущовъ (котораго мы уже видѣли въ Городельской манифестаціи ¹⁾), сдѣлалъ Пустовойтовой домашнее замѣчаніе, что «ей, какъ дочери русскаго генерала ²⁾, неприлично принимать участіе въ польскихъ демонстраціяхъ». Но это замѣчаніе и нѣсколько другихъ, въ томъ же родѣ, не послужили ни къ чему.

25-го іюля стар. ст. 1861 г., Пустовойтову замѣтили въ процесіи, которая сопровождала статую какого-то святаго изъ Люблина въ селеніе Габровъ. А 31-го іюля стар. ст. того же года, въ день соединенія Литвы съ Польшей, когда по всему краю праздновалась годовщина этого событія, Пустовойтова была въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя намѣревались устроить манифестацію около памятника, поставленнаго въ Люблинѣ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и возобновленнаго императоромъ Александромъ I ³⁾. Манифестація эта не удалась въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли устроить агитаторы. Генералъ Хрущовъ, со штабомъ и нѣсколькими полиціантами, сталъ у памятника, а потому гуляющіе ограничились бросаніемъ къ его подножію цвѣтовъ и вѣнковъ. Бросала и Пустовойтова, одѣтая польскою крестьянкой. Гулянье длилось до 11-ти часовъ ночи. Въ окнахъ многихъ домовъ, не смотря на замѣчанія полиціи, горѣли свѣчи, а у судебного аппликанта Мулицкаго явился даже транспарантъ, съ изображеніемъ люблинскаго памятника между портретами Собѣскаго и Костюшки.

Обо всемъ этомъ начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла далъ

¹⁾ Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 352—357.

²⁾ Отецъ Пустовойтовой умеръ еще до возстанія, въ чинѣ генераль-маіора, проведя послѣдніе годы своей жизни, какъ кажется, въ Петербургѣ, въ разлуцѣ съ семействомъ.

³⁾ Памятникъ, въ видѣ обелиска, темнаго цвѣта, стоитъ въ Люблинѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ дома губернатора. Съ одной стороны памятника, на улицу, представленъ барельефъ, изображающій двухъ женщинъ, которыя подаютъ другъ другу руку. Между ними гербъ Литвы и Польши. Съ противоположной стороны, къ дому губернатора, надпись: Połączenie Litwy z Kogoną. Съ одной изъ боковыхъ сторонъ: Epoka pomnika roku MDLXIX. Съ другой: Odnowiony roku MDCCCXXV.

знать въ Варшаву. Послѣдовали разныя распоряженія, а Пустовойтову исправляющій должность намѣстника, предписаніемъ отъ 10-го (22-го) августа 1861 г., за № 1163, приказалъ отправить съ жандармами въ Москву, для заключенія въ монастырь.

Генераль Хрущовъ объявилъ объ этомъ Пустовойтовой и ея бабушкѣ. Онѣ были очень удивлены и не хотѣли вѣрить, чтобы предписаніе намѣстника могло исполниться въ точности, а потому не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Бѣготня и укладываніе вещей начались только тогда, когда къ дому ихъ, черезъ два часа послѣ объявленія (16-го (28-го) августа), подкатила коляска съ жандармскимъ офицеромъ, а потомъ прибылъ и самъ генераль Хрущовъ ускорить дорожные сборы, которые тянулись черезчуръ долго.

Видя, что власти нисколько не шутятъ и что отъѣздъ долженъ неизбѣжно совершиться, бабушка и внучка рѣшили ѣхать вмѣстѣ, конечно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы дорогой какъ нибудь поправить свои дѣла. Между тѣмъ, народъ, подстрекаемый агитаторами, запрудилъ улицу. Устроилась чистая демонстрація. Хотѣли выпрячь лошадей и везти экипажъ на себѣ. Кое-гдѣ въ толпѣ раздавались рыданія и пролито довольно слезъ, даже нашихъ русскихъ....

- Пустовойтова сохранила въ эти минуты полное присутствіе духа. Она вышла на крыльцо и произнесла къ толпѣ нѣсколько успокоительныхъ словъ, прося не дѣлать никакихъ безпорядковъ. «Видите, я покоряюсь, ѣду... это такъ нужно!» Затѣмъ сѣла въ коляску и бросила народу платокъ, который былъ разорванъ на мелкіе куски... Коляска тихо тронулась. На колѣни сидѣвшихъ въ ней сыпались цвѣты ¹⁾...

Съ первой же станціи бабушка Пустовойтовой послала намѣстнику просьбу, умоляя его дозволить имъ возвратиться въ Люблинъ. Въ ожиданіи отвѣта, путешественницы остановились въ городѣ Ковель (Волынской губерніи), извѣстномъ по своему повстанскому настроенію. Пустовойтова притворилась больною. Мѣстные врачи составили, 20-го августа ст. ст., актъ, гдѣ говорилось, что «больная страдаетъ воспаленіемъ грудной плевры и легкихъ (плеуригонеумонія), притомъ не окончились еще мѣсячныя очищенія, для излѣченія которой болѣзни необходимы ей медицинскія пособія. Отправиться же ей въ дальнѣйшій путь безъ опасности для жизни нѣтъ возможности. Въ чемъ подписями нашими, при бытности городничаго и жандармскаго капитана, удостовѣряемъ. Городовой врачъ Латошинскій. Ковель-

¹⁾ Все это рассказано автору самимъ генераломъ Хрущовымъ. Н. В.

скій окружный врачъ К. Инс... ¹⁾. Отставной врачъ штабъ-лекаръ надворный совѣтникъ Гольденманъ. При семъ находился исправляющій должность городничаго Бялецкій».

Къ счастью для Пустовойтовой, на мѣстѣ осудившаго ее Сухозанета сидѣло уже другое лицо: графъ Ламбертъ. Выше было сказано, что этотъ намѣстникъ, тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, очутился подъ вліяніемъ бывшихъ делегатовъ, между которыми находились также и ксендзы ²⁾. Черезъ нихъ можно было зачастую весьма успѣшно дѣйствовать на графа. Бабушка Пустовойтовой нашла къ нимъ дорогу. Ксендзы представили намѣстнику неудобство и соблазнъ положенія «католички въ русскомъ монастырѣ, да еще гдѣ: въ сердцѣ Россіи!» Русская православная дѣвушка являлась теперь, по подложнымъ документамъ, выправленнымъ въ Житомирѣ, католичкой! ³⁾.

Графу Ламберту, новому человѣку въ Царствѣ, рѣшавшему много труднѣйшихъ задачъ, искавшему твердой почвы среди тогдашнихъ вязкихъ трясинъ, которыя часъ отъ часу засасывали болѣе и болѣе его и его генераль-губернатора, — не было ни охоты и ни времени наводить точныя справки о томъ, что именно натворила какая-то тамъ житомирская или люблинская дѣвочка, двухъ именъ, и какого она въ самомъ дѣлѣ исповѣданія. Вся исторія представлялась весьма неважною. И то-ли еще считалось тогда неважнымъ!... Къ тому же новый намѣстникъ занескивалъ въ полякахъ. Онъ прощалъ поминутно политическихъ преступниковъ серьезнаго свойства. Стоило задумываться надъ рѣшеніемъ судьбы недавней институтки! Ламбертъ приказалъ написать Хрущову, что «дозволяетъ Пустовойтовой, доѣхавъ до Житомира, остаться тамъ на житье, въ домѣ родителей». Хрущовъ извѣстилъ объ этомъ путешественницъ. Анна-Генрика, двухъ именъ, ту же минуту выздоровѣла и отправилась въ дорогу.

Поведеніе ея въ Житомирѣ ничѣмъ не разнилось отъ люблинскаго. Она поминутно показывалась въ толпѣ народа, при всѣхъ за-

¹⁾ Нельзя разобрать. Актъ составленъ на русскомъ языкѣ. Настоящая вѣнська сдѣлана слово въ слово, съ оригинала.

²⁾ Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 338.

³⁾ По этимъ документамъ выходитъ, что Анна-Генрика Пустовойтова, двухъ именъ, родилась въ 1832 году, когда вѣроисповѣданіе дѣтей, при смѣшанныхъ бракахъ, зависѣло отъ воли родителей или отъ взаимныхъ между ними условій. Въ православномъ метрическомъ свидѣтельствѣ Анны Пустовойтовой, коего подлинность не подвержена никакому сомнѣнію, сказано, что «при рожденіи ея въ 1832 году матери ея было 17 лѣтъ». Стало быть, въ 1832 г. ей было только 9 лѣтъ! Такимъ образомъ весьма просто изобличается поддѣлка католической метрики.

тѣвавшихся демонстраціяхъ, пѣла *Boże coś Polskę*, и громко высказывала неудовольствіе противъ русскихъ властей.

Кіевскій военный, подольскій и волыньскій генералъ-губернаторъ Васильчиковъ написалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, спрашивая, «что ему дѣлать съ неугомонною проказницей?» Пришло рѣшеніе: «отправить ее опять въ Москву, въ одинъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей, а въ какой именно — предоставлялось указать московскому митрополиту Филарету». Но митрополитъ Филаретъ отказался сдѣлать такое указаніе. Въ заключеніи отзыва, отправленнаго отъ него, по этому случаю, въ Петербургъ, говорится слѣдующее: «его высокопреосвященству весьма прискорбно, что Москва избрана мѣстомъ заключенія для лица мятежнаго и неудержимо-склоннаго къ польскимъ демонстраціямъ»¹⁾. Во уваженіе этого, Москва была обойдена: Пустовойтову приказано посадить въ глухой Троицко-Бѣлбажскій монастырь костромской епархіи.

Нужно же такое соединеніе: Анна-Генрика Пустовойтова, будущій адъютантъ польскаго повстанскаго диктатора, и — костромской Троицко-Бѣлбажскій!!.. Вотъ истинно: «волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень!»

Чего, однако, не дѣлаетъ энергія и настойчивость: мать Пустовойтовой рѣшилась испробовать всѣ средства, идти напроломъ, до самыхъ послѣднихъ ступеней, но ужъ избавить дочь отъ ссылки въ монастырь: она подала просьбу Государынѣ Императрицѣ, отъ 1-го декабря 1861 г., гдѣ пишетъ между прочимъ, что ея дочь «въ чахоткѣ и каждый день становится хуже и хуже». Разумѣется, прилагались при этомъ необходимыя докторскія свидѣтельства, которыя выправить больной у себя дома, въ Житомирѣ, было несравненно легче, нежели на дорогѣ, въ Ковелѣ. Просьба была поддержана въ высшихъ сферахъ вліятельными духовными лицами католическаго міра. Нашлось нѣсколько и свѣтекъ... Въ непродолжительномъ времени было получено изъ Петербурга разрѣшеніе «отложить переѣздъ въ монастырь до весны, съ учрежденіемъ, однако, за дѣвицей Анной Пустовойтовой строгаго полицейскаго надзора».

Это было все, чего желали просившія.

Строгій въ началѣ, на самыхъ первыхъ порахъ, надзоръ, черезъ нѣсколько недѣль (какъ это всегда бываетъ на матушкѣ на святой Руси) ослабъ — и дѣвица Пустовойтова скрылась изъ Житомира неизвѣстно куда... Говорили, будто бы она бѣжала первоначально съ

¹⁾ Подлинныя выраженія. Все разсказанное основано на официальныхъ варшавскихъ, люблинскихъ и петербургскихъ документахъ. Н. В.

какимъ-то полякомъ въ Бухарестъ, гдѣ князь Куца покровительствоваѣь всему, что только выходило недовольнаго изъ Россіи. Есть также свѣдѣніе, что въ іюнѣ 1862 года Пустовойтова была въ Одессѣ, а въ январѣ 1863 года опять явилась въ придунайскихъ княжествахъ и раздавала тамъ какія-то деньги... Когда вспыхнуло возстаніе 1863 года, Пустовойтова была уже въ Царствѣ и присоединилась къ Лангевичу подѣ Шидловцемъ. Обладая чрезвычайно-хорошимъ здоровьемъ, она легко дѣлала трудные переходы съ войсками по дурнымъ и глухимъ дорогамъ, иной разѣ подѣ дождемъ, по колѣно въ грязи; переносила всѣ невзгоды лагерной повстанской жизни; ѣла что случится, подчасъ—пару картофелинъ въ сутки. Однажды, потерявъ лошадь, прошла вмѣстѣ съ солдатами 18 миль пѣшкомъ. Что касается ея отношеній къ Лангевичу—въ нихъ нельзя подозревать ничего особеннаго. Просто-за-просто было некогда заниматься ничѣмъ, кромѣ войны. Лангевичъ былъ до такой степени задерганъ во всѣ минуты дня и ночи разными хлопотами, нравственно и физически разбитъ и тощъ, что думать ему, о чемъ думаютъ прежде всего и болѣе всего здоровые и беззаботные студенты, было невозможно. Слова: *kochanek*, *kochanka* тутъ не приходятъ въ голову, не вяжутся со всѣмъ окружающимъ. А если и былъ какой мимолетный поцѣлуй—что изъ этого...

Говорили притомъ, что Пустовойтова была собственно адъютантомъ Чаховскаго.

Само собой разумѣется, что актомъ избранія диктатора временное народное правительство уничтожалось.

Лангевичъ, покутивъ немного въ Гощѣ, потомъ въ Сосновкѣ, спѣшилъ заняться рѣшеніемъ самаго главнаго вопроса: учрежденіемъ новаго правительства, назначеніемъ министровъ, директоровъ и т. д., и т. д. Нечего и говорить, что на всѣ эти мѣста имѣли наибольшія права лица, сидѣвшія на этихъ мѣстахъ въ Варшавѣ. Лангевичъ и не думалъ дѣлать съ этой стороны серьезной ломки. Она была ему даже и не по силамъ. Онъ ничего не зналъ и не понималъ въ гражданскомъ управленіи. Онъ предполагалъ собрать сколь возможно точныя свѣдѣнія о томъ, кто именно занимаетъ высшія должности въ народной организаціи Царства, и потомъ сдѣлать изъ всего этого выборъ лицъ по своему усмотрѣнію и по совѣту штаба. Лангевичъ обратился, весьма естественно, за разъясненіемъ этого вопроса къ уполномоченному комиссару жонда: Грабовскій написалъ ему ту же минуту имена извѣстныхъ ему высшихъ революціонныхъ дѣятелей Варшавы, куда вошли между прочимъ: генералъ Высоцкій, князь

Марцеллій Любомірскій, графъ Генрихъ Потоцкій, графъ Станиславъ Замоискій и какіе-то неопредѣленные Пражмовскій и Басскій ¹⁾.

Читая этотъ списокъ, Лангевичъ замѣтилъ, что «тутъ не обозначено начальника города Варшавы», и спросилъ у Грабовскаго: «кто править эту должность?»

— Это,—отвѣчалъ ничѣмъ несмушавшійся Грабовскій,—это... мой далекій родственникъ, носящій ту же фамилію, что и я.

Въ этомъ случаѣ Грабовскій солгалъ всего менѣе: тогдашній начальникъ города Варшавы, Стефанъ Бобровскій, жилъ тамъ дѣйствительно подъ именемъ Грабовскаго и многіе изъ знавшихъ его лично, въ томъ числѣ и Грабовскій, думали, что онъ «настоящій Грабовскій».

Лангевичъ приказалъ послѣ этого своему секретарю, бывшему чиновнику радомскаго губернскаго правленія, Валерію Томчинскому, составить декретъ о новой организаціи народнаго правительства и принадлежащихъ къ нему частей, а затѣмъ написать назначенія (поііііасје) нѣкоторыхъ лицъ на самыя высшія должности и отправить все это въ Варшаву, вмѣстѣ съ манифестомъ диктатора къ народу ²⁾.

Легко вообразить себѣ, какъ были поражены настоящіе члены временнаго народнаго правительства прибытіемъ «такихъ номинантій», за подписью диктатора, о которомъ ничего еще не знали! «Жондъ остолбенѣлъ (Rząd osłupiał)!»—пишетъ Бобровскій своему другу Падлевскому, въ Плоцкую губернію, изображая переворотъ. Изъ того-же письма видно ясно, что члены жонда мгновенно сознали свою слабость и дѣтское рогозѣйство ³⁾.

Вѣсть о диктаторѣ съ немовѣрною быстротою, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, разнеслась по Варшавѣ и произвела пріятное впечатлѣніе на массу. Никто не размышлялъ о послѣдствіяхъ диктатуры, никто не дѣлалъ никакихъ соображеній; всѣ были рады, сами не зная почему; всѣмъ казалось, что возстаніе шагнуло черезъ это впередъ;

¹⁾ Показаніе повстанскаго полицейскаго агента, Викентія Моравскаго, бывшаго мелкимъ чиновникомъ въ канцеляріи стоилицкаго уѣзднаго начальника. Свѣдѣнія эти требуютъ провѣренія. Вообще, вся исторія избранія Лангевича диктаторомъ нуждается въ болѣе точныхъ и положительныхъ данныхъ, нежели имѣющіяся дониндѣ.

²⁾ Тѣмъ самымъ, о которомъ упоминается выше. Онъ былъ отпечатанъ также и на жидовскомъ языкѣ. Такое вниманіе диктатора къ жидамъ возбуждало между ними, въ извѣстномъ классѣ, неописанный восторгъ. Говорять, многіе жиды плакали, читая свой жидовскій манифестъ диктатора!

³⁾ См. это письмо въ приложеніи.

всѣ потирали руки, глядѣли смѣло и весело, повторяя какъ дѣти: «и такъ, у насъ диктаторъ!» А дамы, въ особенности тѣ юркія и бойкія варшавянки, о которыхъ мы упомянули въ V-й главѣ, бросились вышивать диктатору знамена ¹⁾. По городу ходила подписка на поднесеніе диктатору «почетной шпаги». Очень скоро была собрана довольно значительная сумма ²⁾. Даже многіе друзья Мирославскаго очутились вдругъ на сторонѣ Лангевича, и одинъ изъ нихъ пилъ съ Бобровскимъ его здоровье ³⁾. Главы бѣлой партіи тоже преклонились передъ диктаторомъ. Шляхецкая дирекція, еще за 5 дней до оглашенія Лангевича диктаторомъ (можетъ статься, зная, что должно случиться подъ Гошей), уполномочила одного изъ своихъ членовъ, Карла Рупрехта, войти въ сношенія съ временнымъ правительствомъ, а на другой, или на третій день по полученіи извѣстія о совершившемся ⁴⁾, Рупрехтъ снова явился въ засѣданіе жонды и сказалъ, что «бѣлая дирекція упраздняется, а равно и вся бѣлая организація перестала существовать» ⁵⁾, причемъ вручилъ временному правительству 30 тысячъ франковъ, якобы оставшіяся въ кассѣ дирекціи. Такая же сумма была отправлена дирекціей въ лагерь Лангевича и при этомъ сообщено, что одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ ея, банкиръ Леопольдъ Кроненбергъ, беретъ устроить для возстанія беспроцентный заемъ въ миллионъ или хоть два миллиона рублей—только ждетъ декрета отъ диктатора ⁶⁾.

Карточки диктатора и «его адъютанта» Пустовойтовой требовались въ такомъ количествѣ, что фотографы едва успѣвали ихъ дѣлать, продавая, на первыхъ порахъ, по рублю за штуку. Потомъ явились пояса и брошки съ портретомъ диктатора, вмѣсто бывшаго тамъ прежде Костюшки. Уничтожить все это почеркомъ пера не могъ, конечно, никакой на свѣтѣ жондъ. Народные правители посѣщали, разумѣется, признать диктатуру Лангевича, съ тѣмъ однако, чтобы «гражданское управленіе (Rząd Cywilny) состояло изъ лицъ, на утвер-

¹⁾ Одна изъ такихъ дамъ говорила автору, что ничего болѣе тогда не хотѣла, какъ только броситься подъ ноги уланскихъ коней диктатора, чтобы они ее растоптали — и притомъ блѣднѣла отъ крайне возбужденнаго состоянія и слезы стояли у нея въ глазахъ...

²⁾ Гиллеръ говорить, что подписка на шпагу диктатору открыта по инициативѣ Бобровскаго и Авейде (I, 279).

³⁾ Вышериведенное письмо Бобровскаго къ Падлевскому.

⁴⁾ Получено въ Варшавѣ 12-го марта н. ст.

⁵⁾ Такъ по словамъ Авейде. Гиллеръ говорить, что бѣлая дирекція упразднена 5-го марта н. ст. (I).

⁶⁾ Авейде, IV, 50.

женіе которыхъ диктаторъ изъявляетъ свое согласіе вмѣстѣ съ бывшимъ жондомъ». Это признаніе диктатуры отправлено къ Лангевичу съ членами народнаго правительства Гиллеромъ и Осипомъ Яновскимъ.

Едва только они уѣхали, какъ пришелъ рапортъ комиссара краковского воеводства, Бѣхонскаго, которымъ онъ доноситъ жонду весьма подробно обо всей интригѣ, имѣвшей послѣдствіемъ оглашеніе Лангевича диктаторомъ. Тутъ только разсѣялись для «гимназистовъ и guziirionków» Езеранскаго всѣ туманы и они рѣшились написать Лангевичу особое откровенное письмо, раскрыть передъ нимъ секреты, которыхъ онъ во всей полнотѣ, конечно, не понималъ и не подозрѣвалъ. За это взялся горячій и впечатлительный Бобровскій. Онъ накаталъ ту же минуту къ генералу (котораго съ давнихъ поръ былъ восторженнымъ поклонникомъ) слѣдующее длинное посланіе, которое здѣсь мы помѣщаемъ въ переводѣ съ польскаго:

ПИСЬМО ВРЕМЕННОГО НАРОДНАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ ДИКТАТОРУ ЛАНГЕВИЧУ.

«Генералъ! Извѣстіе о томъ, что ты огласилъ себя диктаторомъ (что могло быть сочтено ничѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ на государственный переворотъ), принято нами въ первую минуту съ радостью. Всѣ мы, безъ различія убѣжденій, готовы были признать революціонную легальность за фактомъ, который выражалъ собою дѣйствія человека, чувствующаго въ себѣ достаточныя силы къ возвращенію самостоятельности нашей отчизнѣ. Взято было въ расчетъ и положеніе нашихъ дѣлъ, недозволяющее основать явную политическую комбинацію, черезъ что естественно, вслѣдствіе отсутствія всѣми видимою, открытой власти, пробуждаются политическія амбіціи отдѣльныхъ лицъ. Почти безъ всякаго предварительнаго совѣщанія было рѣшено перепечатать и огласить твой манифестъ и тогда же пущены въ ходъ всевозможныя пружинки, чтобы снискать тебѣ въ публикѣ общее признаніе, а жондъ, убѣжденный, что кормило возстанія перешло въ сильныя руки, радостно привѣтствовалъ приближающійся мигъ своего упраздненія, ибо добровольное объявленіе съ твоей стороны, что ты считаешь себя преемникомъ революціонной и народной политики комитета, служило послѣднему ручательствомъ, что ты не нарушишь ни въ чемъ основаній, комитетомъ установленныхъ, еще менѣе позволишь помыкать собою реакціи, которая всегда была заклятымъ врагомъ возстанія и людей, изъ него возникшихъ.

«Между тѣмъ, еще во время перепечатыванія твоего воззванія, мы узнали, съ невыразимою горестію въ сердцѣ, о прискорбныхъ явленіяхъ, упредившихъ твою диктатуру. Намъ и въ голову не приходило, чтобы герой Св. Креста и Сташова, который не нуждался ни въ какомъ посвященіи революціи, кромѣ развѣ ея благословенія, бросился искать опоры въ политическихъ интриганахъ, которые заслуживали только одного его презрѣнія. Единственно по уваженію къ тебѣ и охраняя честь революціи, мы готовы предположить, что ты, лишь въ простотѣ души, попался въ гнусныя сѣти, разставленныя тебѣ съ цѣлю, о которой сообщимъ въ послѣдствіи. Въ этомъ убѣжденіи, не колеблемся огласить манифестъ, не возвращаемся вспять, по случаю дошедшихъ до насъ извѣстій,

не отказываемъ тебѣ въ нашей поддержкѣ, о коей не разъ будешь имѣть возможность узнать, что она кое-что значить и кое-чего стоитъ. Мы ничего не имѣемъ противу принципа диктатуры, ня противу твоей особы, которая доселѣ заслуживала отъ насъ только полное уваженіе и признательность, и потому ничего не можемъ имѣть противъ того, чтобы ты сдѣлался диктаторомъ, лишь бы это было спасительно для края; но объявляемъ тебѣ однажды навсегда, прямо и откровенно, что людей, тебя окружающихъ, сносить не намѣрены, не можемъ и не хотимъ, для блага отечества и возстанія, уважая тебя и себя. Подумай самъ съ собою хоть минуту хладнокровно, генераль, и ты увидишь, что говорить съ тобою теперь другимъ языкомъ было бы, съ нашей стороны, непростительнымъ преступленіемъ.

«Когда, въ памятную ночь, по данному нами знаку, всталъ народъ и ты явился на челѣ его, въ одномъ изъ воеводствъ,—люди, которыхъ агенты ползаютъ теперь у ногъ твоихъ, дабы тѣмъ легче погубить тебя и покрыть революцію позоромъ, объявили себя противъ возстанія и съ безстыдствомъ, свойственнымъ только реакціи, предлагали тебѣ ренту, подъ условіемъ оставить воинскіе ряды, измѣнить нашему дѣлу и отечеству. Правда, революционная партія, представляемая временнымъ народнымъ правительствомъ, не могла въ то время послѣдить къ тебѣ съ военною помощію, но не забывай, что только ея трудамъ и работамъ*обязанъ ты тѣмъ, что нашелъ въ себѣ несчерпаемый источникъ самоотверженія и патриотизма, съ помощію которыхъ, при твоихъ высокихъ способностяхъ, всегда достойно нами чтимыхъ, сформировалъ свою храбрую дружину. Помни это всегда, генераль, и по слабости военныхъ приготовленій не суди о революціонной слабости партіи, которая, будучи представлена самой себѣ, не смотря на всѣ происки и возни реакціи, вызвала явленія, изъ коихъ и ты вышелъ. Какъ тебя трактовала въ началѣ котерія помѣщиковъ, было уже сказано; а когда ты, несокрушимую энергіей, пользуясь видѣствъ съ тѣмъ и нравственною подготовкой края, собралъ значительныя военныя силы.—эта котерія прибѣгла къ интригамъ, которыя недостойны народнаго вождя и которыя по необходимости мы должны теперь разоблачить передъ тобою.

«Графъ Адамъ Грабовскій, который, какъ мнимый представитель народнаго правительства, послужилъ, въ рукахъ довольно ловкихъ интригановъ, краеугольнымъ камнемъ махинаціи, вокругъ тебя и на твою гибель устроенной, никогда не былъ агентомъ жовда и не имѣлъ отъ него уполномочій ни по какому предмету. Это просто-за-просто политическій шлутъ и обманщикъ, который не долженъ бы ни подъ какимъ видомъ позорить твоего лагеря своимъ присутствіемъ. Чтѣ это за господинъ, спроси лучше всего у генерала Высодкаго, который можетъ тебѣ рассказать между прочимъ исторію кое-какихъ квитанцій, сфабрикованныхъ этимъ лицомъ. Что касается политическихъ убѣжденій графа Грабовскаго, конечно не имѣющихъ ничего общаго со взглядами такого организатора, какъ ты, генераль,—справься въ прошлагоднемъ «Часѣ». Словомъ, это авантюристъ, о которомъ серьезному политику стыдно и вспоминать. Почтенное имя Бентковскаго замѣшалось тутъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, точно такъ же какъ и твое, т. е. и онъ попался въ сѣти, единственно по простотѣ души. Всѣ эти люди, никого не презентуя, ничего не имѣя, не могли ничего тебѣ предлагать, какъ равно и тебѣ нечего было отъ нихъ принимать. Диктатуру, по нашему убѣжденію, дали тебѣ Сташовъ, Малюшъ и Скала, а потому эти люди вовсе тебѣ ненужны, ничто тебя съ ними не связываетъ, брось ихъ: отъ этого зависить какъ твое, такъ и всего дѣла нашего спасеніе.

«Всмотрись внимательно, генералъ, къ чему они стремятся: снесошь министрѣвъ и разныхъ другихъ чиновниковъ, представленный ими къ твоей подписи, единственно ради приличія заключаетъ въ себѣ имя генерала Высоцкаго и нѣсколько другихъ почтенныхъ именъ, которымъ непристойно стоять рядомъ съ княземъ Марцеллиемъ Любомірскимъ и артистами, которые прокрались къ тебѣ въ лагерь для нанесенія удара возстанію. Диктаторъ, конечно, имѣетъ право употреблять людей всякихъ партій и убѣжденій, но не имѣетъ права отступать отъ принциповъ, изъ которыхъ выросъ.

«Мы признаемъ совершившіеся факты, но гражданское управленіе нѣкимъ образомъ не можетъ существовать безъ нашего соизволенія, ибо часть края, занятая непріателемъ, нами одними держится и управляется безъ насъ не въ состояніи. Помни, что, принявъ диктатуру, ты взялъ вмѣстѣ съ нею на себя и отвѣтственность передъ исторіею, краемъ и нами, что будешь править съ достоинствомъ, и все, что затѣмъ послѣдуетъ, всякаго рода комплиація, падаютъ единственно на твою голову.

«Мы предлагаемъ тебѣ въ эту минуту пользѣйшее наше призваніе и поддержку, какъ герою нашего возстанія, какъ побѣдителю подъ Стаповымъ и Малогощемъ; они же обѣщаютъ поддержку тебѣ, единственно какъ сокрушителю Мирославскаго. Для насъ ты—представитель новой идеи, для нихъ только орудіе. Выбирай!

«Мы увѣрени покажѣмся, что чадъ обаянія, въ вакомъ находятся при подобныхъ обстоятельствахъ всѣ герои міра, пройдетъ, и ты явишься, генералъ, на политической своей аренѣ, передъ нами и цѣлымъ краемъ, столь же чистымъ, какъ былъ въ огнѣ подъ Пясковою-Скалою; но если, паче чаянія и къ несчастію Польши и возстанія, предчувствія насъ обманутъ: помни, что такъ же искренно, какъ обѣщаемъ тебѣ теперь нашу помощь, мы вступимъ тогда съ тобою въ самую ожесточенную борьбу. Если возстаніе упадетъ еще разъ, то лишь по твоей винѣ, генералъ, а мы всетаки сохранимъ во всей чистотѣ и цѣлости, хоть на пользу будущаго Польши, свои убѣжденія и принципы.

«А пока, отъ всей души восклицаемъ: да здравствуетъ диктаторъ! Прочь съ реакціей!

«Впредь до полученія твоего отвѣта остаемся съ глубочайшимъ почтеніемъ.
«Варшава, 16-го марта 1863 года».

Это письмо авторъ повезъ къ Лангевичу самъ, дабы имѣть возможность осмотрѣть внимательно положеніе дѣлъ на мѣстѣ и въ случаѣ нужды принять самыя рѣшительныя мѣры, для чего былъ снабженъ неограниченными уполномочіями жонда.

Поймать Лангевича на его форсированныхъ маршахъ было немощно трудно. Диктаторъ зналъ очень хорошо, что русскіе отряды краковскаго и сандомірскаго воеводствъ не надолго оставятъ его въ покоѣ и, потому, сдѣлавъ поспѣшно важнѣйшія распоряженія по части устройства своего диктаторскаго правленія¹⁾, двинулся на сѣверъ, къ д. Щепанковице. Но за нимъ уже слѣдили.

Первый отрядъ, узнавшій о диктатурѣ Лангевича (съ 12-го на 13-е марта н. ст.), былъ — ближайшій къ нему, мѣховскій, началь-

¹⁾ Подробныхъ свѣдѣній о томъ, что именно было сдѣлано, нигдѣ нѣтъ. Ходили слухи, что военнымъ директоромъ, или министромъ диктатора, былъ

никъ котораго, князь Багратионъ, послалъ сейчасъ же маіора Бентковскаго ¹⁾, съ тремя ротами смоленцевъ, полускадрономъ драгунъ, 20 казаками и 50 объѣздчиками, для произведенія рекогносцировки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали армію диктатора. Бентковскій наткнулся на него 13-го марта н. ст., близъ дер. Щепанковице, и имѣлъ съ нимъ небольшую перестрѣлку. Лангевичъ, видимо уклоняясь отъ боя, двинулся на дер. Маркотице и потомъ на селеніе Гура. Бентковскій слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, и на другой день, 14-го марта н. ст., въ 8 часовъ вечера, снова имѣлъ перестрѣлку съ непріятельскою цѣпью у селенія Гуры.

Въ это время захвачено нами нѣсколько подозрительныхъ лицъ, въ одномъ помѣщичьемъ домѣ, и два повстанскіе лазутчика, пробиравшіеся лѣсами, по глухой проселочной дорогѣ, въ двухъ большихъ повозкахъ. Одна повозка, гдѣ сидѣла какая-то женщина, была набита рубахами, сѣдлами и небольшими мѣдными котелками ²⁾. Кромѣ того, найденъ былъ чемоданъ съ кокардами и перевязками на руку начальникамъ. Сидѣвшій въ другой повозкѣ неопредѣленный господинъ хотѣлъ уйти за англійскаго корреспондента и заговорилъ, при его арестованіи, по англійски. Но когда ему показали выброшенный имъ изъ повозки огромный пакетъ съ письмами подозрительнаго свойства, на польскомъ языкѣ, гдѣ было, между прочимъ, одно на имя самого диктатора, — признался, что онъ краковскій банкиръ Фалькенштейнъ, и заговорилъ по польски.

Изъ письма къ диктатору оказалось, что какой-то краковскій отрядъ, съ двумя нарѣзными австрійскими батареями, намѣренъ былъ соединиться съ повстанцами и только спрашивалъ, гдѣ и какъ удобнѣе это сдѣлать ³⁾.

назначенъ генералъ Высоцкій, потомъ — генералъ Крушевскій; министромъ иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ начальникомъ штаба — Владиславъ Бентковскій; комиссаромъ въ познанскомъ княжествѣ оставленъ графъ Лубенскій... больше ничего неизвѣстно. Хаосъ въ лагерѣ былъ страшный: того не доставало, другаго не доставало. Сейчасъ же, на самыхъ первыхъ порахъ, было почувствовано, что диктаторъ, при тѣхъ условіяхъ возстанія, въ какихъ оно находилось, не только не нуженъ, но даже — невозможная и вредная роскошь. Однажды Бентковскій вбѣжалъ въ комнату, занимаемую штабомъ, и просилъ дать ему карандаша, котораго напрасно искалъ по всему лагерю. Не нашлось карандаша и у штабныхъ. «Хорошъ штабъ! — воскликнулъ Бентковскій: нѣтъ карандаша!» (Сообщено автору однимъ изъ адъютантовъ Лангевича).

¹⁾ Это былъ братъ Бентковскаго, который служилъ у Лангевича.

²⁾ Было всего 150 рубахъ, 100 котелковъ и 5 сѣделъ. Н. В.

³⁾ Просимъ читателей припомнить замѣтку относительно сношеній жюнда съ генераломъ Дегенфельдомъ (см. выше «Русскую Старину», томъ XXIV, главу I). Тогда австрійцы предлагали повстанцамъ «напасть на ихъ батарею

Задержкой двухъ этихъ лицъ ограничились дѣйствія отряда Бентковскаго. Ничего серьезнаго предпринять онъ, со своими небольшими силами, не могъ, а только, не спуская, по возможности, съ глазъ банду Лангевича, двигался вслѣдъ за нею къ Хробжу ¹⁾, деревнѣ, лежащей на правомъ берегу Ниды, въ 25-ти верстахъ отъ австрійской границы. Бентковскій рассчитывалъ, что вскорѣ появится въ тѣхъ мѣстахъ какой нибудь изъ нашихъ отрядовъ, а можетъ, и два—и тогда, соединенными силами, можно будетъ что либо предпринять. Въ самомъ дѣлѣ, случилось, что полковникъ Ченгери, стоявшій въ мѣстечкѣ Ендржеевѣ, узналъ, въ ночь съ 15-го на 16-е марта н. ст., что Лангевичъ идетъ къ Хробжу, со стороны Пинчова ²⁾, куда прибылъ 17-го марта н. ст.—и сейчасъ-же переправился на правый берегъ Ниды, имѣя 3 роты смоленцевъ, одну Галицкую, 2 эскадрона драгунъ, 40 казаковъ, взводъ батарейной и взводъ нарѣзной артиллеріи. Лишь только Лангевичъ, расположившійся лагеремъ у Хробжа, узналъ о переходѣ Ченгери на его сторону,—ту же минуту снялся и перешелъ на лѣвый берегъ, уничтоживъ за собою мостъ ³⁾, и двинулся потомъ къ лѣсу, который носитъ названіе Гроховиски (Grochowiska).

Ченгери, узнавъ объ этомъ, тоже переправился опять на лѣвый берегъ—и пошелъ вдоль его, вслѣдъ за Лангевичемъ, ожидая встрѣчи съ Бентковскимъ (о выступленіи котораго изъ Мѣхова имѣлъ свѣдѣнія), дабы вмѣстѣ съ нимъ ударить повстанцамъ во флангъ. Бентковскій подошелъ къ отряду Ченгери только ночью того дня (17-го марта н. ст.), перейдя Ниду вбродъ.

и какъ бы отбить ее. Теперь, когда возстаніе пошло въ гору и даже явился диктаторъ,—нашъ возлюбленный сосѣдъ нашелъ возможнымъ устроить просто-за-просто дезиртированіе цѣлыхъ двухъ батарей въ Царство Польское. Письмо къ диктатору, о коемъ мы упомянули, было подписано 15-ю австрійскими офицерами-полаками, въ томъ числѣ двумя командирами нарѣзныхъ батарей. Наши власти нанвно извѣстили объ этомъ австрійцевъ! (Все это сообщено автору майоромъ Бентковскимъ, въ присутствіи генерала Ченгери).

¹⁾ Въ это время на одномъ привалѣ, солдаты, стерегшіе плѣнныхъ, стали выражать неудовольствіе, что «они несутъ проклятую службу: лучше приколотъ плѣнныхъ, чѣмъ мучиться—ихъ стеречь!» Это неудовольствіе перешло скоро въ шумный ропотъ. Прибѣжали офицеры, но было уже поздно: солдаты подняли плѣнныхъ на штыки, даже помили одного офицера, который началъ черзчуръ энергически возстановлять порядокъ. Такія исторіи, явное неповиновеніе солдатъ офицерамъ, во время описываемаго нами возстанія, случались нерѣдко, особенно, если отрядомъ командовалъ полякъ. (Разсказъ Ченгери и Бентковскаго).

²⁾ Пинчовъ на 21-й верстѣ отъ Ендржеева и въ 12-ти отъ Хробжа. Пинчовъ и Хробжежъ—имѣнія Велепольскаго.

³⁾ Впрочемъ, подъ Хробжемъ было небольшое сраженіе. Тутъ оставилъ отрядъ Лангевича ксендзъ Каминскій.

Н. В.

Утромъ 18-го, разбѣды дали знать, что Лангевичъ двигается на югъ, какъ бы къ мѣстечку Вислицѣ ¹⁾, потому отряды Ченгери и Бентковского условились идти въ такомъ же направленіи, параллельно, и остановились: первый въ трехъ верстахъ отъ Буска (такъ какъ были слухи, что жители этого мѣстечка возили въ лѣсъ съѣстные припасы); второй—у селенія Богутце, куда, какъ говорили, направилась часть повстанскихъ ариергардовъ. Одновременно съ движеніемъ сказанныхъ отрядовъ, посланный частнымъ военнымъ начальникомъ Мѣховскаго и Олькушскаго уѣздовъ, княземъ Шаховскимъ, также изъ Мѣхова, маіоръ Яблонскій, съ тремя пѣхотными ротами и двумя орудіями, занялъ позицію нѣсколько сѣвернѣе Бентковского, около фольварка Вржосы. Четвертый отрядъ, состоявшій изъ пѣхотной колонны и эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ маіора Загряжскаго, стоялъ въ Стопницѣ, готовый выступить во всякую минуту, когда и куда потребуютъ обстоятельства.

Три первые отряда (Ченгери, Бентковскій и Яблонскій), занявъ сказанныя позиціи, повели противъ непріятеля атаку, но, вслѣдствіе сильнаго штуцернаго огня изъ лѣсу, принуждены были отступить, не сдѣлавъ повстанцамъ никакого вреда ²⁾.

Двинутая между тѣмъ, по распоряженію полковника Ченгери, изъ Стопницы, часть отряда маіора Загряжскаго—3-я стрѣлковая рота Смоленскаго полка, подъ начальствомъ капитана Керавнова, не имѣя точныхъ свѣдѣній о расположеніи нашихъ и повстанскихъ отрядовъ, шла на выстрѣлы и, когда вступила въ лѣсъ, то была окружена большими массами непріятеля. Керавновъ палъ, пробитый нѣсколькими пулями; прапорщикъ Полотьевъ и 18 человекъ нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ. Остальные, кто былъ живъ и не раненъ, соединились съ отрядомъ Ченгери подъ мѣстечкомъ Велечъ ³⁾.

Прибывшая послѣ этого другая часть стопницкаго отряда, подъ начальствомъ полковника Сорнева, получила приказаніе отъ Ченгери идти черезъ мѣстечко Велечъ, южнѣе Гроховскаго лѣса, и занять прогалину между отрядомъ Бентковского и имъ, Ченгери, но Сорневъ этого не исполнилъ. Между тѣмъ въ бандахъ, составлявшихъ армію диктатора, произошли беспорядки и столкновенія разныхъ лицъ,

¹⁾ 10 верстъ отъ границы.

²⁾ «Штуцерными» командовалъ отчаянно-храбрый французскій полковникъ Рошебрюнъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Парижа. Лангевичъ поручилъ ему образовать особый отрядъ польскихъ зуавовъ, что онъ и сдѣлалъ. Они-то и были «штуцерные». Рошебрюнъ сочинилъ для нихъ особую форму и носилъ ее самъ.

³⁾ Отраженіе трехъ нашихъ отрядовъ отъ лѣсу и разбитіе отряда капитана Керавнова повстанцы называютъ «побѣдой подъ Гроховскими». Н. В.

какъ это вообще является при несчастіи или безвыходномъ положеніи всякаго отряда. Армія обвиняла диктатора въ неумѣннѣ командовать. Диктаторъ обвинялъ армію въ неисполненіи ею прямыхъ своихъ обязанностей, въ неумѣннѣ повиноваться властямъ: напимѣрь, когда онъ посылалъ кавалерію въ атаку противъ отряда Ченгери подъ Хробжемъ, она не тронулась съ мѣста!... Болѣе всего шумѣли баричи, не задолго передъ тѣмъ прибывшіе изъ-за границы въ войска диктатора, въ надеждѣ найти тамъ громъ побѣды, награды и отличія, а въ замѣнъ этого увидѣвшіе передъ собою холодъ, голодъ, бессмысленное скитаніе по лѣсамъ—и русскіе штыки! Благоразуміе требовало однако забыть, хотя на время, всякія свары, и рѣшить: «что дѣлать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ еще ухудшиться: подойди еще одинъ русскій отрядъ—и тогда ничего не останется, какъ положить оружіе!» Собрали на-скоро военный совѣтъ въ мѣстечкѣ Велечѣ, изъ слѣдующихъ лицъ: начальника штаба Бентковскаго; генераловъ: Лангевича, Езеранскаго и Валигурскаго; полковника Улятовскаго и Карла Боржиславскаго.

Яго-Езеранскій находилъ, что: «лучше всего диктатору скрыться тайно въ Краковъ и тамъ обдумать на свободѣ и спокойно, что дѣлать далѣе. Можетъ быть, придется разъѣзжать по разнымъ отрядамъ и ихъ воодушевлять»... Это мнѣніе, послѣ самаго непродолжительнаго спора, было одобрено большинствомъ голосовъ. Бентковскій твердилъ упорно, что уходить за границу отнюдь не слѣдуетъ, а просто-за-просто перебраться въ Люблинскую губернію. Улятовскій совѣтовалъ «ударить на Кѣльцы». Самъ диктаторъ былъ такъ разстроены, что ему казалось все хорошо, лишь бы уйти изъ Гроховискаго лѣса. Стали думать о томъ, какъ лучше привести въ исполненіе постановленіе совѣта, т. е. устроить тайный побѣгъ диктатора за границу. Кто-то сказалъ, что прежде всего, для соблюденія приличія, нужно написать соотвѣтственный, объясняющій дѣло «приказъ по войскамъ». Написали слѣдующее:

«Храбрые и вѣрные товарищи по оружію! Диктаторское управленіе мое требовало разрѣшенія многихъ гражданскихъ и военныхъ вопросовъ перво-степенной важности, нравственной поддержки другихъ отрядовъ и направленія ихъ дѣйствій согласно одной и той-же мысли. Нужно мнѣ было оставить на короткое время ваши ряды, съ которыми я такъ связанъ послѣ той повстанской ночи; среди битвъ и всякой тяготы ¹⁾. Но мое убѣжденіе говорило, что право разстаться съ вами на вѣсколько дней я приобрѣту единственно побѣдой, а потому я принялъ бой подъ Сосновкой, вызвалъ Москву на битву подъ Мѣховымъ, выдержалъ напоръ подъ Хробжемъ, вступилъ въ сраженіе подъ Гроховисками.

«Нынѣ оставляю лагерь, не прощаясь съ вами, ибо мое предпріятіе требуетъ тайны. Мнѣ нельзя вамъ сказать, по какой дорогѣ и куда я отира-

¹⁾ Разумѣется неча съ 22-го на 23-е января н. ст. 1863 года.

вляюсь. Беру съ собою нѣсколько офицеровъ высшаго ранга, потому что многіе востанскіе отряды нуждаются въ начальникахъ. Также беру 30 уланъ, которые оретятся въ лагерь, какъ скоро эскортъ мнѣ будетъ не нуженъ. Корпусъ раздѣленъ на двѣ части, каждой данъ опытный командиръ, указанъ путь и назначеніе.

«Товарищи по оружію! Передъ лицомъ Бога и передъ вами я присягнулъ, что буду биться до послѣдняго издыханія. Присягѣ этой я не измѣнилъ и не измѣню. И вы торжественно присягнули повиноваться моимъ приказаніямъ и служить отчизнѣ: и вы не измѣните присягѣ! И такъ, во имя Бога и отчизны, будемъ биться противъ Москвы, пока не достигнемъ свободы и независимости! М. Лангевичъ».

Написавъ такой приказъ и сдѣлавъ кое-какія секретныя приготовленія къ побѣгу (о чемъ знали только самыя высшіе чины арміи), Лангевичъ сталъ выжидать минуты къ осуществленію своего плана.

При томъ отсутствіи всякой серьезной системы въ дѣйствіяхъ русскихъ отрядовъ, какое замѣчалось по соединеніи ихъ всѣхъ подъ Гроховисками, можно было надѣяться, что тотъ или другой начальникъ сдѣлаетъ какую-нибудь важную ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, случилось, что полковникъ Ченгери, въ противность всѣмъ тактическимъ соображеніямъ, вдругъ перешелъ, неизвѣстно зачѣмъ, на сѣверную сторону лѣса, къ дер. Шанецъ, и тѣмъ открылъ въ позиціи прорѣху, въ которую Лангевичъ двинулъ немедленно свои войска, и къ разсвѣту 19-го марта н. ст. очутился въ селеніи Вислицѣ, гдѣ штабъ его расположился пить чай, т. е. вся масса адъютантовъ и другихъ штабныхъ чиновъ, ничего не знавшихъ о томъ, что происходило на военномъ совѣтѣ въ Велечѣ. Пользуясь этимъ, диктаторъ сѣлъ съ Пустовойтовой въ телегу, запряженную парю добрыхъ коней, и, взявъ эскортъ, пустился въ направленіи къ р. Нидѣ, гдѣ былъ мостъ, а потомъ къ Опатовской таможенѣ, которая была пуста и не представляла никакихъ преградъ. Здѣсь, переправясь черезъ Вислу, съ небольшимъ количествомъ солдатъ, которые, почуявъ грозу, пробрались туда лѣсами раньше, Лангевичъ и Пустовойтова прибыли въ австрійскую таможену Устье и предъявили тамъ паспортъ на имя графа Валигурскаго съ сыномъ, выданный шведскимъ посольствомъ въ Парижѣ.

Физиономія диктатора и «его адъютанта» (какъ постоянно называли Пустовойтову у насъ и за границей) были хорошо извѣстны въ тѣхъ мѣстахъ по карточкамъ, а потому подлогъ ту же минуту открылся. Чтобы устранить всякія сомнѣнія, управляющій таможеней спросилъ у толпившихся кругомъ солдатъ: «знаете вы диктатора?»

— Какъ не знать, — отвѣчали они, — вотъ онъ тутъ сейчасъ пропѣлъ, маленькій такой!

Арестованный затѣмъ Лангевичъ былъ перевезенъ сначала въ Тарновъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ его посадили въ цитадель, а Пустовойтова помѣщена неподалеку оттуда, въ одномъ казенномъ домѣ, называвшемся «телеграфъ», подъ присмотромъ какой-то дамы.

Такъ люди, общества, которіи, цѣля правительства—измѣняютъ мгновенно свои отношенія къ тому, что перестаетъ быть силой, падаетъ, теряетъ обаяніе. Когда Лангевичъ провозгласилъ себя диктаторомъ и отъ этого факта ожидали Богъ вѣсть какихъ перемѣнъ въ дѣлахъ возстанія — къ повстанцамъ поѣхали сейчасъ же австрійскія пушки; а лишь только диктаторъ оказался нестоющимъ выбора, жалкимъ трусомъ и бѣглецомъ—его схватили и приперли въ тюрьму, можетъ быть, расквитываясь этимъ за штуку, которую нѣсколько дней тому назадъ выкинули и которая немного обнаружилась! ¹⁾.

Непосвященные въ тайну чины штаба, пившіе въ Вислицѣ чай, узнавъ о побѣгѣ диктатора, послали за нимъ погону. По рядамъ войскъ пронеслось: «измѣна! измѣна!» Всѣ ринулись къ Вислѣ, съ намѣреніемъ уйти за границу. Только небольшая часть, подъ начальствомъ бригадира Смѣховскаго (ветерана бывшихъ польскихъ войскъ, который, кромѣ бунчучной физиономіи, не имѣлъ ничего, что нужно для командованія отрядами въ критическія минуты ²⁾), повернула влѣво, на деревни: Кошице, Бржеско, Вавражинчице и Черниковскій лѣсъ, но потомъ вышла изъ повиновенія и стала проситься за границу. Генераль Высоцкій, тогдашній директоръ южныхъ воеводствъ, рѣшился поручить завѣдываніе этими войсками Рошебрюну, отличившемуся подъ Хробжемъ, за что онъ былъ произведенъ въ генералы. Рошебрюнъ согласился и началъ собираться въ путь ³⁾... какъ вдругъ нѣсколько сторонниковъ Мирославскаго (въ видахъ произвести въ краѣ замѣшательства, которыми могъ бы потомъ воспользоваться Мирославскій, для достиженія своихъ цѣлей) явились къ Рошебрюну съ предложеніемъ: «принять на себя главное начальство надъ всѣми силами русскаго захвата» — для чего нужно было, конечно, смѣнить Высоцкаго и отобрать у него кассу военнаго отдѣла южныхъ воеводствъ. Французскому авантюристу это сильно польстило и онъ, не сообразившись ни съ чѣмъ (кто предлагаетъ и можетъ-ли предлагать?), написалъ тутъ же, подъ диктантъ лицъ, возводившихъ его чуть не въ новые диктаторы, отставку директору южныхъ воеводствъ, и затѣмъ отправился къ нему въ сопровожденіи ксендза Каминскаго, графа Тышкевича, Чарнецкаго и Владислава Ески, но старикъ ихъ такъ припугнулъ, что они бѣжали отъ стыда безъ оглядки, а Рошебрюнъ счелъ за лучшее уѣхать немедленно въ Парижъ.

¹⁾ Лисидкій удивляется такой выходкѣ австрійцевъ и не можетъ ее себѣ объяснить. «Langiewicz po trzykroć przeszedł granicę i wracał; ujęcie go za szwartym gazem nastąpiło podobno przez zbytek gorliwości» (I, 401).

Умеръ во Львовѣ 18-го іюня н. ст. 1875 года. Статя объ немъ въ Dzienniku Poznańskim 1875, № 141.

Н. В.

²⁾ Онъ былъ тогда въ Краковѣ, какъ равно и Высоцкій.

Такъ отрядъ Смѣховскаго и остался отрядомъ Смѣховскаго и вскорѣ перешелъ границу, гдѣ, какъ всѣ другія части арміи Лангевича, обезоруженъ австрійцами и интернированъ въ восточной Галиціи ¹⁾.

А наши отряды, стоявшіе вокругъ Гроховиска, узнавъ, что Лангевичъ скрылся, пустились съ досады (впрочемъ, по приказанію Ченгери) бродить по лѣсу, исходили его вдоль и поперекъ, ища подъ всѣми кустами диктатора, и потомъ двинулись также къ границѣ, гоня передъ собою остатки повстанцевъ и отбивая танувшіеся вслѣдъ за ними фургоны съ оружіемъ ²⁾. Отрядъ маіора Загряжскаго увлекся въ своемъ яростномъ преслѣдованіи этихъ немногихъ повстанцевъ до того, что не замѣтилъ, какъ очутился въ Галиціи. Увидѣвъ въ дер. Костельникахъ австрійскій столбъ, Загряжскій велѣлъ остановитъ зарвавшихся далеко впередъ драгунъ и казаковъ, которые, воротясь, привели плѣнными одного австрійскаго офицера и одиннадцать рядовыхъ. Тѣмъ же отрядомъ были найдены, брошенные повстанцами въ дер. Чулипахъ, близъ Иголоміевской таможи, прапорщикъ Полотьевъ и рядовые изъ роты капитана Керавнова. Преслѣдованіе продолжалось до 25-го марта н. ст. Уходя затѣмъ обратно въ Кѣльцы, отрядъ полковника Ченгери слышалъ, что въ лѣсу, недалеко отъ дер. Ксенжъ-Вельки, скрывается какая-то банда, чело-вѣкъ въ 500 ³⁾, но такъ какъ войска были чрезвычайно утомлены, полковникъ не рѣшился разыскивать эту банду и пошелъ прямо. Не доходя до Кѣльць, отрядъ былъ встрѣченъ генераломъ Ушаковымъ, которому было приказано изъ Петербурга «отправиться на югъ Радомской губерніи лично». Онъ поздоровался съ пѣхотой и поздравилъ ее съ побѣдой. Потомъ подѣхалъ къ драгунамъ и, не здороваясь съ ними, сказалъ вполголоса начальнику отряда: «эти, конечно, какъ всегда, ничего не дѣлали?» ⁴⁾.

Н. В. Вергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Гиллеръ, I, 46—47.

²⁾ Взятое въ фургонахъ оружіе состояло изъ австрійскихъ и бельгійскихъ штуцеровъ, со штыками въ видѣ ножа, и охотничьихъ ружей. Холодное оружіе состояло изъ австрійскихъ палашей и сабель. Большая часть того и другаго была въ крайне запущенномъ состояніи: поломано и заржавлено. Многие изъ нашихъ офицеровъ высшихъ чиновъ, находившихся подъ Гроховисками, полагаютъ, что еслибъ не было страннаго скитанія по лѣсу, послѣ бѣгства Лангевича, мы бы могли взять въ плѣнъ половину его арміи.

³⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, это была банда Чаховскаго, который, предчувствуя диктаторскую неурядицу, отдѣлился отъ Лангевича тотчасъ послѣ битвы подъ Малоцедемъ и ушелъ внутрь края.

⁴⁾ Отъ офицеровъ отряда.

Н. В.